18+

КИРА АЛЕКСАНДРОВНА
БОРЦОВА

Путь самурая

ЗАПИСКИ ШКОЛЬНОГО УЧИТЕЛЯ

Кира Борцова

Путь самурая. Записки школьного учителя

https://litres.ru/74959593
ISBN 9785007169110

Аннотация

В этой книге школьные будни и праздники одного учителя. Но как одна отдельно взятая школа отражает всё, что происходит в других школах и обществе, так и мой путь знаком и понятен многим учителям. Я хотела показать учителя и учеников главными фигурами образовательного и воспитательного процесса, своих коллег-учителей, которые были единомышленникам и друзьями, и администрацию, от которой многое зависит лишь в том случае если она помогает учителю.

Путь самурая
Записки школьного учителя

Кира Александровна Борцова

© Кира Александровна Борцова, 2026

ISBN 978-5-0071-6911-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
Все совпадения с реальными людьми и событиями случайны

Я пришла в эту школу в 26 лет. Прекрасный возраст, скажете вы, чтобы начать карьеру успешного учителя, тем более кое-какой опыт уменя уже был: 2 года я работала после окончания института в одной маленькой поселковой школе и 2 года пионервожатой в школе-интернате. Но речь не об этом. Мне дали 2 седьмых класса (нынешние 8- е) и один пятый (нынешний шестой). И классное руководство — в 7Б. Классы тогда были огромные, от 30-ти до 40-ка человек, а в

моем было 43, они сидели по трое.

Первый раз я увидела свой класс на линейке. Стояла такая большая толпа, как мне показалось, очень взрослых детей. Завуч подвела меня к ним и быстро сказала:

— Вот ваш новый классный руководитель, познакомитесь в классе, — и убежала. Ко мне подошла длинная девочка с длинным носиком и длинными руками, не улыбаясь, протянула мне 5 астр, грустно спросив:

— А где Рашид Ибрасаилович?

— Не знаю, — сказала я. А кто это?

— В прошлом году он был нашим классным руководителем, — скорбно сказала девочка.

— Да его уволили за опоздания, — крикнул кто-то из толпы. И класс засмеялся.

Так закончилась линейка, и мы пошли в класс.

Первый классный час прошёл плодотворно: я назвала своё имя и по списку проверила учеников, после чего прочитала им правила поведения в школе и при переходе дороги. Что мне нравилось, слушали меня в полной тишине. Первый урок, русский язык, тоже был у них и тоже прошёл в полной тишине, не считая моей вступительной лекции о значении великого русского языка в мире.

На перемене я зашла в учительскую, где ко мне подошла милая пожилая женщина и спросила:

— Вы наш новый русовед? Седьмые дали, А и Б? И 5В? Я кивнула.

— Бедная девочка, — грустно продолжила коллега, — 7А — зверинец, 7Б — болото, а 5В слабый, но усадить можно бы, да есть там один придурок, сам не учится и другим не даёт, и вывести невозможно — одна бабушка воспитывает.

Вдохновлённая её словами, я пошла в 7А. Вы, конечно же, смотрели «Большую перемену»? Там нового историка, Нестора Петровича, принимают за ученика и сначала хлопают картой по голове, а потом на его двоекратное «здравствуйте, товарищи!» отвечают — «да здравствуй, здравствуй, проходи, садись!» Но всё это так смешно, по-доброму.

Так вот — меня просто не заметили. Все мои попытки поздороваться и начать урок были сметены, здоровенные парни с суровыми лицами свободно ходили по классу, громко обсуждая свои мужские проблемы, несколько девиц о чём-то болтали, сидя на партах. Я боком подошла к столу, взяла указку и со всей силы заколотила ей по крышке стола.

— Это кто? — спросил толстый парень со шрамом на лице.

— Вроде, русичка новая, — ответил ему кто-то.

— Сядьте на свои места, начинаем урок! — крикнула я.

— А Рашид от нас сбежал, не выдержал! — заржал толстый и с интересом посмотрел на меня, видимо, прикидывая мои шансы на выживание.

Как ни странно, по своим местам они разошлись, правда, сели очень удобно для общения друг с другом. И я под непрекращающийся гул разговоров и смеха пыталась про-

биться со значением великого русского языка в мире. Пятого класса в этот день у меня не было, так что с Мишей Быковым я познакомилась не сразу.

Про Мишу надо рассказывать отдельно. Дело в том, что две недели его не было — то ли гулял, то ли болел. А пятый класс оказался не сильным, но очень добрым и любознательным. Итак, спустя две недели, пережив молчание своего 7Б и дикий ор чужого 7А, я вошла в 5В, провела небольшую викторину, в которой все радостно участвовали, и даже ещё раз успела удивиться характеристике этого класса, данной коллегой, как дверь распахнулась, и в класс вошёл довольно крепкий мальчик с румяными щеками.

Не глядя на меня, он пошёл между рядами парт, сбрасывая на пол учебники и тетради ребят, раздавая попутно тумаки. Класс загудел, закричал, запищал разными голосами в зависимости от того, кого достала крепкая рука Миши. Урок рассыпался на глазах. Как-то в одно мгновение я поняла, что в этой школе к 7А добавится ещё и 5В, и какая-то неведомая ранее сила отчаяния подняла меня с места и направила к Мише.

Я взяла его за шиворот и потащила к дверям. Миша, видимо, такого не ожидал и первую минуту пятился молча. У доски он пришёл в себя, резко вывернулся и уставился на меня белыми от гнева глазами.

— Ты… ты… ты… — протянул он, — убью-у-у-у-у! Я взяла указку, направила её на Мишу и закричала:

— Пошёл вон!

Не желая сдавать мне поле боя без боя, Миша начал пятиться к двери, не спуская с меня раскалённых глаз. Но так как шёл он спиной, у двери он упёрся в порог и, распахнув дверь спиной, выпал из класса в коридор. Я побежала к двери спасать Мишу. Он лежал на спине и смотрел в потолок. Увидев меня, Миша сел и вдруг заорал на весь коридор:

— Убили! Фашисты! Убили!

Прозвенел звонок. Я вернулась к столу, села и схватилась за голову:

— Всё! Моя педагогическая карьера завершена, через две недели работы у меня такой конфликт с учеником, ещё и в рукоприкладстве обвинят. Ребята тихо выходили из класса. Ко мне вдруг подошла маленькая девочка и сказала:

— Да вы не волнуйтесь, он на всех уроках так, то падает, то орёт, он такой придурок, мы из-за него почти не учимся.

Я встала и печально пошла на второй этаж, к кабинету математики, к классной 5В. Мы столкнулись с ней в дверях класса, и, увидев моё убитое лицо, она спросила:

— Быков?

— Таня, — ответила я, — мне конец…

И начала рассказывать ей про парты, тетради на полу, вопли… На слове «фашисты» Таня меня прервала:

— Пойдём! — грозно сказала она.

Мишу мы нашли около раздевалок — он азартно играл в футбол чужим портфелем с таким же, видимо, «отлични-

ком». Хозяин портфеля грустно стоял у стены. Увидев Татьяну, Миша быстро утратил азартность и подошёл к классной с видом покорной овцы. На меня он не смотрел. Татьяна сузила глаза, наклонилась к оттопыренному Мишиному уху и прошипела:

— Где фашисты?? Кого убили?! Мы о чём с тобой договаривались, гад ты этакий! В последний раз, в последний раз…

Каждую секунду голос классной крепчал, а Миша становился всё ниже, всё тише.

— Ему четырнадцать в ноябре, с двенадцатилетними сидит, дважды второгодник, ещё и микрорайон не наш (из этого яростного спича я узнала незамысловатую Мишину биографию), а он будет детям нормальным учиться не давать! Так, давай за бабушкой, забирайте документы и в вечерку! — почти спокойно закончила Татьяна Витальевна.

В вечерку Миша ушёл не в этот раз, но притих и сидел себе тихонько на последней парте, ничего особо не делая. Но с 7А я по-прежнему справиться не могла. Прошла первая четверть, началась вторая — класс орал, толкался, клубился у меня перед глазами. Однажды я стояла к ним спиной и писала предложение на доске.

Вдруг что-то просвистело у меня над головой, и огромный кед ударился о доску и свалился вниз, почти задев меня по лицу. Я в ужасе обернулась к классу, ожидая гомерического хохота, но на меня никто не смотрел — они просто кидались кедами, даже не заметив аута в мою голову.

И я решила, что это всё. Ухожу. Навсегда. Из школы. Через пять минут был урок в моём 7Б. А я поняла, что не могу говорить, подошла к окну, стояла и смотрела на серую улицу. За моей спиной сидел и молчал класс, было очень тихо. Минут через 10 мне стало легче, я начала урок и даже услышала какие-то ответы на свои вопросы — класс заговорил.

Я не ушла, просто мне показалось как-то подло бросить свой класс, который умеет так хорошо молчать, когда тяжело. И 7А в третьей четверти замолчал и начал слушать, нет, не программу седьмого класса по литературе. Это было позже. Я взяла их любимым романом моего детства — «Двумя капитанами» Вениамина Каверина. Когда я рассказывала про пропавшую экспедицию капитана Татаринова, про шхуну» Святая Мария», вмёрзшую во льды и дрейфующую вместе с ними, в классе была такая тишина, что дежурный завуч, приоткрыв дверь, сказала:

— Ой, что это с 7А, сидят, слушают, а я думала — сбежали, раз не орут!

Справедливости ради я пересказывала Каверина и своему 7Б, нет, не всё время, но более-менее читающие побежали за романом в библиотеку, а не читающие спрашивали:

— Завтра будем слушать? А что так помалу рассказываете, давайте весь урок!

Казалось бы, первый круг пройден, я спокойно и с удовольствием шла на уроки, много рассказывала, много слушала, проверяла, хвалила, ругала, ну, как и все учителя. Так

прошёл год.

А через год сменился директор. На работу меня принимала очень простая, добрая и прямолинейная Светлана Ивановна. Она сидела в школе до глубокой ночи, во время ремонта могла выхватить кисть у нерадивого маляра и начать красить дверь как положено. Она не терпела подхалимов и стукачей, на педсоветах говорила строго по делу и ценила учителей именно по их деловым качествам, а не по неуживчивости характера или наоборот.

Видимо, её прямолинейность кого-то не устроила в верхах или в школе подставили, тот год оказался роковым для многих директоров — снимали за нецелевое использование средств, ну, например, деньги, выделенные на ремонт забора, потратили на закупку новых унитазов.

На смену Светлане Ивановне пришла тихая и до тех пор незаметная Альбина Николаевна, завуч. Первым делом она занялась обустройством кабинета директора, достойным её высокого статуса. Крепкую, но не очень новую мебель из кабинета прежнего директора вынесли в подвал, а в кабинет въехали мягкие кожаные диваны, кресла и даже пуфики (для подхалимов — в ногах сидеть, как мрачно пошутил наш физрук Серёга, который вместе с трудовиком Петровичем и таскал эту мебель).

Но не о мебели речь. На первом же совещании новым директором была озвучена новая политика формирования зарплат учителей. Основная ставка — всё, что остаётся неиз-

менным, а остальные доплаты целиком зависят от мнения руководства о нашей работе. Так, хорошую доплату за классное руководство можно получить при отсутствии претензий к вашему классу.

В учительской повесили огромный расчерченный ватман с нашими фамилиями и классами, в которых мы были классными руководителями. Остальные колонки предназначались для замечаний, плюсов, минусов, процентов, и, наконец, итога, из которого следовало, достойны мы доплаты или нет. Через день лист оценки работы классных руководителей выглядел так:

Артёмова В. Л. — опоздание, неопрятный вид — минус — ноль процентов.

Булгакова И. С. — курение на крыльце, давка в столовой –тоже ноль.

Сазонов Ю. Н. — маты, срыв урока географии — минус–ноль процентов.

И так почти у всех классных, за исключением двух-трёх человек, ну, кто-то хорошо подежурил на своём этаже, а кто-то просто болел. А самое интересное, что, благодаря странному построению листа оценки, классные руководители, они же учителя, получились растрёпанными, опоздавшими, матерящимися и бьющимися за компот в столовой!

Сначала все читали молча, потом кто-то засмеялся, а кто-то возмутился, побежал к завучам за объяснениями — это они заполняли лист. Прозвенел звонок, все пошли по клас-

сам. Минут через десять после начала урока я быстро вышла из класса, зашла в учительскую (почти напротив) и сняла лист оценки, кинув его за шкаф у стены в той же учительской. Через два урока по классам пробежала секретарь — всех собирали на пятиминутку в учительскую.

Ничего не выяснив про лист оценки, так как, кроме меня, действительно никто ничего не знал, завучи отпустили нас на уроки по звонку, сопроводив грозным предупреждением не прикасаться к доске приказов и объявлений. К вечеру появился новый оценочный лист, и, подождав два дня, пока он немного заполнится несовершенствами классных руководителей, я отправила его вслед за первым. Больше его не вывешивали.

Но это всё мелочи, можно было спокойно работать, но произошло то, что толкнуло меня на второй круг ада, если считать первым адаптацию в классах. У нашего нового директора, Альбины Николаевны, появилась привычка всенародных порок: на каждом совещании или педсовете находился объект среди учителей, который подвергался острой критике со стороны директора, поддержка коллективом здоровой критики приветствовалась. Попадали многие, но были, правда, особые « любимчики», которым доставалось каждый раз.

Кто-то часто болел сам или сидел с ребёнком («берите няньку или увольняйтесь, почему дети должны из-за вас недополучать знания), кто-то поздно спустился в столовую,

кто-то ел вместе с детьми («а обязан стоять и наблюдать, как питаются дети»), и так далее и тому подобное.

Я долго молчала, ну, иногда отбивалась с места репликами, типа «может, мне им булки в рот вкладывать» на требование следить, чтобы каждый ученик в столовой доедал всё до конца, или «напротив мужского туалета я дежурить не буду — это неприлично» на требование забегать в мужской туалет и ловить курящих. Но пришла к нам в школу молодая девчонка, сразу после института, англичанка. И как-то так получилось, что часов ей дали совсем мало и предложили подрабатывать на продлёнке, пока кто-то там у англичан не уедет и ставка освободится.

Вы знаете, что такое продлёнка пятых классов? Короче, Света, англичанка, с ними не справлялась категорически. Правда, я не знаю, кто бы справился с этой бандой из разных классов. К несчастью, продлёнка была на первом этаже, как и кабинет директора, только в разных концах коридора, но это расстояние детишки преодолевали в несколько секунд туда и обратно. И теперь все, кто боялись проработок директора, могли вздохнуть спокойно: на всех сборищах звучала только фамилия Светы.

Надо сказать, она держалась стойко, улыбалась, пыталась возражать, что она учитель английского, а не воспитатель ГПД, но запас её прочности подошёл к концу, и, когда кто-то из подпевал директора оказал последнему поддержку, Света заплакала. Она плакала и говорила, что думала, что в школе

все свои, помогут, поддержат, а здесь все против тебя, и уже нет никакого желания оставаться работать в школе, и лучше она пойдёт на рынок торговать варежками!

Почему варежками? Не знаю… Но какая-то неведомая сила подняла меня с места, и я сказала, глядя в гладкое лицо директора (замечали, что лица у людей при власти моментально становятся гладкими?):

— Альбина Николаевна, до каких пор, вы, как прокуратор, будете устраивать эти судилища? Мы собираемся на совещания решать рабочие моменты, кому интересны эти личные замечания, которые можно делать в рабочем порядке один на один, если вообще есть в них необходимость — что она сделает с толпой детей, которых даже не учит?

Было очень тихо. Впрочем, чего я хотела? Радостных криков в мою поддержку? Нет. Вдруг Альбина повернулась в мою сторону и прошептала сдавленным голосом:

— Пошла вон отсюда.… Да как ты смеешь при всех делать мне замечания! — голос её креп и наливался всем знакомой начальственной силой (замечали — этот начальственный голос приходит к человеку у власти вместе с гладким лицом?) Заявление на стол, если тебя здесь что-то не устраивает…

— А, теперь понятно, кто срывал оценочные листы в учительской, — радостно поддержала директора завуч-математик Ирина Петровна, нашлась все-таки в стаде паршивая овца!

— Во-первых, меня здесь почти всё устраивает, — сказала

я, –во-вторых, Альбина Николаевна, с какой стати вы обращаетесь ко мне на «ты», в–третьих, вы сами делаете замечания учителям при всех, а вы, хочу заметить, не высшая каста, а такие же члены коллектива, как и все присутствующие, и бывшие учителя, просто занявшие руководящие должности. Да, и, в-четвёртых, Ирина Петровна, да, это я сняла ваши глупые оценочные листы в учительской, потому что с одной стороны они выставляют учителей идиотами из-за неверного построения, а с другой стороны унижают человеческое достоинство — мы что вам — собачки — за бонусы прыгать!

Короче, Остапа понесло. Я почувствовала небывалое вдохновение и радость от свободы слова, на которую все мы, если верить Конституции, имеем право. Кстати, на оценочных листах народ загудел, и совещание быстренько свернули. Надо сказать, разборки на педсоветах закончились, да и зачем — у директора появился новый объект для охоты — я. К моему несчастью, Альбина тоже была русоведом и даже вела литературу в одном девятом классе.

На другой день я зашла на урок в свой класс и увидела на задней парте Альбину, которая улыбалась мне улыбкой змеи, собирающейся пообедать. На моём уроке она не оставила камня на камне. Так начинался второй круг ада. Я начала готовиться с удвоенной силой, но Альбина просто не оставляла мне шансов на учительскую жизнь, кстати, посещала она только литературу, видимо, русский подзабыла. Чего я только не наслушалась во время разборок полётов — от «

совершенно не владеешь методикой» до « выкинь на хрен свой красный диплом».

Я сопротивлялась как могла, возражала на каждое её замечание, но Альбина не сдавалась и приглашала на разборки маститых учителей, видимо, своих сторонников, и они долбили меня с двух сторон, как дятлы. Иногда урок получался просто отличным, помню, по гоголевской шинели, эта тема «маленького человека» в литературе оказалась мне особенно близка, хотя до этого я никогда особенно не любила этого Акакия Акакиевича Башмачкина за то, что он позволял над собой издеваться и мечтал только о шинели. Так вот, на этот отличный урок резолюция Альбины была кратка — «надо же, не ожидала».

Я начала сдаваться. Нет, в школе я держалась, но по дороге домой плакала. Я похудела на шестнадцать килограммов — не могла есть, только воду пила, и снова начала думать об уходе из школы. Осада продолжалась — Альбина посетила уже шестнадцать уроков подряд и останавливаться не собиралась. Когда в очередной раз я рассказывала дома о крахе и этого урока, муж сказал:

— Или увольняйся, или иди к ней на урок!

Это показалось мне невозможным. Я поняла, что боюсь Альбину и что она просто выкинет меня из своего класса. Я также поняла, что проиграла, что я её боюсь и готова бежать, и эта мысль пронзила меня — я вспомнила свою маленькую сельскую школу, друзей, учителей, директора, которая дава-

ла мне направление в институт и говорила, что школа гордится своими выпускниками… Она всем это говорила.

Я пошла на урок к Альбине. Вернее, сначала она пришла ко мне, но я почти не слушала её выводов, а следующим у меня было окно, которое совпало с её уроком. Я прошла и села на последнюю парту. Альбина опоздала на пять минут (ну, дела директорские), безмятежно вошла в класс, взяла со стола толстый том и посмотрела на ребят. Она, наконец, увидела меня, и, дрогнув своим гладким лицом, спросила:

— Вы что-то хотели?

— Да, — ответила я, — поучиться.

Альбина начала судорожно листать том, но это был Толстой, «Война и мир», а его листай — не листай, но если ты не готов… Альбина была не готова. Она нашла какой-то отрывок, может, про дуб, «с которым встречался Андрей», как пишут ученики в сочинениях, и начала с пафосом его читать. Класс сидел тихо, повесив головы. Лишь когда Альбина начала задавать вопросы по прочитанному отрывку, гладко причёсанный мальчик со второй парты поднял руку и очень тихо сказал:

— Альбина Николаевна, на прошлой неделе урока не было, а на предыдущей вы задавали читать про Аустерлиц. Какой дуб?

До конца урока Альбина диктовала под запись выводы по Аустерлицу (спасибо мальчику).

После звонка я подошла к ней и попросила посмотреть

конспект, мол, хочу поучиться, так как все мои никуда не годятся.

— Зачем? — изумилась Альбина, — разве не видно, что урок безупречно выстроен?

— Не видно, — сказала я и пошла себе на урок.

По дороге зашла в столовую посмотреть, как класс принимает пищу. Принимал спокойно. А когда я вошла в класс, на задней парте сидела Альбина. Я засмеялась чуть ли не впервые за этот безумный месяц после педсовета.

— На мне клоунский колпак? — спросила Альбина. — Что вас так развеселило?

Я не ответила, урок прошёл на ура, мой класс говорил, отвечал, спорил, но самое главное не это — я нашла лекарство против страха, оно в нас самих. На следующий день в окно (у меня их было восемь) я опять пошла на урок к Альбине. Она меня не пустила, сослалась на головную боль.

Всё, с этого дня она ко мне больше не приходила ни разу. И завуч убрала мне те окна, в которые я могла бы сходить к Альбине на уроки, чем вызвала недовольство у учителя истории, так как окна появились у неё.

Сказать, что меня оставили в покое, конечно, не скажешь. На уроки ходить перестали, видимо, боялись, что приду в ответ. А вот классным руководителем я оказалась никудышным: класс не сдал, не успел, не дошёл и тому подобное. Ужас в том, что они были уже в 8-ом (нынешний 9-й), и на педсоветах всё чаще звучало — 8Б будет расформирован.

Из сорока трёх человек в десятый собиралось двадцать пять, и было невозможно представить, как их будут разгонять по трём оставшимся классам. Оказалось, что Альбина задумала такой ход: к моим добавляют восемь человек из 8В, меняют литер на В, и классное руководство берёт Светлана Ивановна, она же классный 9В и математик всех девятых классов.

Как я поняла уже на итоговом совещании по формированию новых десятых классов, свой замысел Альбина держала в полной тайне — это её и погубило, ну, в смысле гениальный план. Когда Альбина его огласила, Светлана Ивановна вскочила и нервно спросила:

— Что!!! Мне почти весь 9Б, с какой стати, я их терпеть не могу — решают два человека, а рассуждать и демагогию разводить все горазды! Не возьму! Вон их классный руководитель сидит — пусть она и берёт! Я сидела ни жива ни мертва. У меня дрожали руки первый раз в жизни. Когда позже я рассказывала эту историю подружке, она сказала:

— С ума сошла — из-за классного руководства переживать, да я бы свой отдала и ещё приплатила, замучилась по семьям бегать да прогулы считать за копейки (нам тогда платили 10% от оклада). Альбина повернулась ко мне со сладкой улыбкой и сказала:

— Ну что же, придётся вам взять сборный 10Б, справитесь?

— Он сборный на 10%, — сказала я, — а 90% мои, ко-

нечно, справлюсь!

Совещание закончилось. Я вышла на улицу, у крыльца стоял мой класс.

— Что, — спросил Олег, — расформировали нас? А классный кто?

— Нет, я, — ответила я. Класс орал «Ура!» так, что вахтёрша тётя Рая выбежала на крыльцо со шваброй.

Теперь о классе. И учителя, и ученики знают, что классы бывают разные. Этот был классным! В нём не было отличников и хорошистов было мало, просто они были весёлыми, дружными, добрыми, умели слушать и слушаться без подобострастия, а главное — на них можно было положиться. Нет, ангелами они, конечно, не были: кто-то мог прогулять, кто-то был не готов, но в них не было подлости, и за свои поступки они отвечали.

Именно с ними я ходила в двухдневные походы к морю, летала на экскурсию в Петропавловск-Камчатский на три дня (были тогда такие маршруты выходного дня за смешные деньги), а когда мы вернулись из поездки и я отсыпалась после дороги, в дверь постучали ребята и радостно сообщили, что взяли путёвки на базу отдыха в 30-ти км от города, и мы выезжаем через три часа. Я понимаю, что многим покажется странным такой энтузиазм классного руководителя — а своя семья? А свои дела? Но как-то всё у меня получалось легко и вовремя, да и разница у меня с ними была тринадцать лет, до выгорания далеко.

Итак, в десятый мы вошли после лета большой толпой в 33 человека вместо 40, что меня обрадовало, так как мест хватило всем. Первая четверть пролетела быстро, меня никто не дёргал, и я уже подумала, что Альбина про меня забыла — мало ли дел у директора школы. Но нет. Она просто ждала.

Как-то ночью у мужа заболело сердце. Таблетки не помогали, я вызвала скорую. Мы тогда жили в маленьком домике у подножия сопки, и скорая приехала не очень быстро, через час. В четвёртом часу утра мужа увезли в больницу на дообследование и исключение инфаркта. К счастью, с ним тогда всё обошлось: приступ сняли, до обеда понаблюдали в больнице и отправили к участковому терапевту. А у Альбины появился повод для взыскания, а то и (если повезёт) для увольнения.

Дело в том, что нашу трёхлетнюю дочь в садик водил муж. Садик нам дали у моря, на противоположном конце нашего небольшого северного города. Муж заключил договор с таксопарком, и в 7—30 к нашей сопочке подъезжала машина, которая отвозила мужа с дочкой к детсаду, ждала немного, а потом мчала мужа на работу на ещё один конец города — он успевал. Теперь обо мне.

Да, забыла сказать, шли восьмидесятые годы двадцатого века. Сотовых не было, у нас на сопке был один телефон на всю сопку — в соседней школе, тогда, ночью, чтобы вызвать скорую, я достучалась — сторож мне открыл. Рано утром я

никак не успевала позвонить в школу, да и вряд ли в семь утра кто-то мне бы ответил.

Я понимала, что однозначно опаздываю на первый урок, но особо не волновалась — первая пара была у моих, а они не относились к тем классам, которые всё сделают, — чтобы сдать учителя: выбегают из класса с криками «идёт, не идёт», разносят класс в хлам или бегут к завучам с докладом — «А у нас урока нет!» Мои тихо сидели — и ждали.

Увы, эта тишина и привлекла Альбину, которая как назло решила пройтись по нашему этажу. Она открыла дверь в кабинет и не увидела меня.

— Где учитель? — спросила Альбина.

— За журналом пошла, — ответила Светка, — не было с утра на месте.

— Я подожду, — сказала Альбина и села на мой стул. Так она и сидела до звонка.

На перемене я вбежала в школу и понеслась по лестнице на второй этаж в свой кабинет, надеясь на лучшее. Я удивилась, что ребят нет в коридоре перед кабинетом, открыла дверь и…

— Я жду вас в своём кабинете на большой перемене, — сладко, но с металлом сказала Альбина, — приготовьте объяснительную.

Я расстроилась, конечно, немного — опять начинать корриду с директором не было никакого желания, но я надеялась, что причина достаточно уважительная и бросить трёх-

летнего ребёнка зимой у закрытого садика, чтобы успеть на первый урок, я никак не могла. После третьего урока я зашла в приёмную и спросила вечно испуганную секретаршу:

— Я войду? Меня пригласили.

— Просили подождать, посидите, — прошептала секретарша. На меня повеяло купечеством Островского, и стало смешно.

В это время выглянула завуч и позвала меня на плаху. Да, Альбина собрала завучей и зачем-то завхоза, видимо, чтобы кворум был. Я протянула ей объяснительную. Альбина читала её долго, хотя почерк у меня хороший — русоведовский, потом отложила её как ненужную бумажку и гневно крикнула:

— Вы считаете, что эта отписка оправдывает ваше оставление класса в опасности?! Да ещё врать научила весь класс (она опять перешла на «ты») — сидят тихо, как мыши, да ещё врут про журнал!

— Если они сидят тихо, как мыши, то о какой опасности речь? — спросила я. — Это десятый класс, там отличный коллектив, да и потом у меня не было выбора — я же не могла бросить маленькую дочь…

— Хватит! — заорала директриса, — никого твои проблемы не волнуют и твои дети тоже, увольняйся и сиди дома, если на уроки не успеваешь!

— А вы бы не хотели перейти в школу поближе к дому? — вступила второй завуч-математик Римма Ивановна.

— Нет, — ответила я, — а вы?

В это время вбежала завуч-гуманитарий и что-то зашептала на ухо директору, я услышала только «звонила». Директриса как-то поскучнела и сказала:

— Мы узнали про скорую, но это не освобождает вас от ответственности за жизни детей и в следующий раз…

— Альбина Николаевна, — сказала я, — вы продержали меня сорок минут, через пять минут звонок. Всё это время мой класс находился «в опасности», по вашему мнению? Вы сорвали мне второй урок, а за это кто ответит?

В полном молчании я вышла из кабинета и, закрывая дверь, услышала крик Альбины: «Контролировать каждый шаг! И…» Дальше я не слышала, ну, не подслушивать же на глазах у секретаря. Я пошла работать, впереди меня ждали ещё четыре урока. Было ясно, что топор войны снова вырыт или только пыль с него стряхнули.

Надо сказать, на совещаниях меня не трогали — я же отвечала, а это могло послужить дурным примером для остальных. К слову, коллектив там был пугливый и послушный (мне просто есть с кем сравнивать). Это люди, которые, пока администрация не видит, жмут тебе руку и говорят:

— Молодец! Как хорошо сказала! Держись, мы с тобой! А на собраниях поддерживают администрацию. Всегда.

Относительно спокойно прошло две недели, и вот по школе поползли слухи о сокращении кадров, а я сразу как-то не придала им значения. Поэтому очень удивилась, когда сек-

ретарь принесла мне бумажку, в которой меня извещали о скором сокращении в связи с избытком кадров. Сказать, что я удивилась — ничего не сказать.

Во-первых, я не была последней из принятых на работу, во-вторых, где вы видели, чтобы в середине года сокращали русоведа, ну, и, в- третьих, кому нужны мои далеко не подарочные в смысле успеваемости классы? Я пошла за разъяснениями к завучу-куратору.

— Понимаете, моя хорошая, –пропела она, — завершила обучение племянница Альбины Николаевны, выпускница нашей школы, духовно близкий нам всем человек, и мы не можем не взять её в родную школу!

— В декабре завершила образование?! Не поздно? — спросила я.

— Ну, у нашей девочки были сложности с госэкзаменом по русскому, она дважды пересдавала, но вот наконец-то получила диплом и готова выйти на работу хоть сейчас!

— У меня красный диплом, а племянница русского не знает, а вы хотите сократить меня? — спросила я.

— Я буду на стороне директора, и вы меня тут ни в чём не переубедите! — перестала петь завуч.

— А как же закон, я ведь не последняя из принятых на работу? — снова спросила я.

— Альбина Николаевна сокращает двух сотрудников, не только вы уйдёте, но и Нина Ивановна, — ответила завуч. Я поняла — для того чтобы убрать меня, Альбина готова

сократить полштата.

— Передайте Альбине Николаевне, что я не уйду, — сказала я и вышла из кабинета.

Я понимала, что по закону меня сокращать не должны, но что делать в данной ситуации? Идти в суд, а с чем? Понятно, что Альбина не сразу возьмёт племянницу, подождёт месяц-другой, это ведь завуч по глупости проболталась, но говорили мы один на один, так что этот разговор нигде не предъявишь… На перемене ко мне подошла кроткая Нина Ивановна и сказала:

— В соседней школе две ставки русоведов, давай уйдём вместе спокойно?

— Тебя завуч послала? — спросила я.

— Да, — просила поговорить, — не стала врать Нина, — ну а тебе не надоела такая жизнь?

— Нина, а если и там ко двору начальству не придёшься — опять побежишь место искать? — зло спросила я. Тебя же из-за меня убирают, зачем ты соглашаешься?

— Это тебе нравится вечно справедливость искать, а я человек тихий, никуда не лезу, перейду спокойно и буду работать, — ответила Нина.

— Вряд ли, там новая школа, детей собирают со всего города, а какая школа хороших учеников отдаст, там бардак будет на год точно, пока усадят всех, — сказала я.

— Мне всё равно тут жизни не будет, а ты как хочешь, — ответила Нина.

Через неделю закончилось полугодие, и я собрала родительское собрание, о котором заблаговременно известила завуча, как требовали правила школы. На собрание неожиданно пришла директор, попросила слова в самом начале и радостно-пафосно обратилась к родителям (их было 28 человек):

— Дорогие мои! Вот уже третий год в вашем классе работает учителем русского языка и литературы и классным руководителем Галина Александровна! Она молодой учитель, хоть и не молодой специалист (я поняла, что Альбина стелет себе соломку, так как молодого специалиста не сократишь), и не всё у неё получается гладко, но я понимаю, что вы к ней привыкли, но… Родные вы мои (мне показалось, что правый глаз директрисы блеснул слезой), обстоятельства порой сильнее нас — Галина Александровна попадает под сокращение (она посмотрела на родителей — они молчали), приободрилась и крикнула:

— Но я клянусь вам — на ваш класс пойдёт самый сильный учитель школы! А классное руководство возьмёт учитель математики Светлана Ивановна, бывший классный руководитель половины класса.

Было видно, что Альбина расслабилась, уверенная в своём ораторском искусстве. Зря…

Родители вдруг заговорили все разом, и в классе поднялся шум, пока папа Дениса, боцман танкера, не крикнул:

— Тихо! Я сейчас за всех, думаю, скажу, я человек пря-

мой, привык команды раздавать матросам, так что вы не обижайтесь, товарищ директор… Вы думаете, что вы нам тут ботвы навешаете, а мы, такие дурачки, послушаем и пойдём себе? Не выйдет! Мы Галину Александровну в обиду не дадим! Дети её любят, экзамены за восьмой все сдали неплохо, кто как учился, в походы с ними ходит, вечера-праздники проводит, где это она не очень работает? Что врать-то?

— Я бы попросила, — начала Альбина, но её снова перебили:

— Мы сейчас письмо напишем, — сказала мама Юли, — сначала на ваше имя, с просьбой оставить нашего учителя в покое, мы ведь не слепые и не глухие, Альбина Николаевна, а дети дома много чего рассказывают, а потом и куда повыше, если не подействует, — закончила она.

Меня не сократили, видимо, родителей Альбина побоялась. Нина ушла в соседнюю школу, на её место пришла племянница — Виолетточка, Леточка, как ласково звала её директриса. Она на классы не пошла, тёрлась где-то там с организаторами, сидела с секретарём и пила чай с тётушкой, т. е. Альбиной. Нинины часы раскидали между русоведами. Мне не предлагали, да я бы и не взяла.

До конца года про меня забыли — не ругали, не хвалили, премий не давали, ну и ладно. Лето пролетело как всегда быстро, и начался последний учебный год для моих десятых классов. И тут Альбина Николаевна решила выдвинуться в депутаты местной Думы. Меня это абсолютно не волновало,

пока я не прочитала её предвыборную программу, развешенную на всех стенах школы. Основным пунктом своей будущей депутатской деятельности она называла поддержку молодых учителей, оказание им помощи в становлении опытными педагогами и так далее и тому подобное.

Сначала я прошла мимо. Потом вспомнила ту молодую девчонку, которая собиралась варежками торговать, но не работать в этой школе, да и себя вспомнила — эти безумные три года тупого преследования и желания унизить и выгнать любой ценой — вот уж действительно оказание помощи в становлении… Я понимала, что один в поле не воин, но вечером села и написала заметку в местную газету. Заметка была краткой, но, по-моему, яркой и убедительной.

Я написала, что Альбина Николаевна, будучи директором школы, не оказывает никакой поддержки молодым учителям, а, наоборот, занимается преследованием без всякого повода, бесконечными придирками и необоснованными требованиями. Так как данный факт полностью противоречит заявлениям из её предвыборной программы, она не имеет права участвовать в выборах в городскую Думу.

Заметку напечатали. Я шла в школу и думала, из какого калибра меня расстреляют прямо на крыльце, у входа. Обошлось. Меня, правда, обходили стороной все коллеги, но Альбину я не встретила, и к ней меня не вызвали.

Через день в учительской повесили объявление о внеочередном педсовете. Единственным пунктом повестки был

пункт о недостойном поведении и нарушении педагогической этики. Без имени нарушившего. Явка всех обязательна. Сегодня была среда, а педсовет Альбина назначила на пятницу, видимо, чтобы субботу и воскресенье праздновать победу надо мной. В том, что коллектив примет любое решение, предложенное директором, я не сомневалась.

Я представила себе это собрание, и мне стало тошно от этой картины. Дело в том, что не так давно на совещании, обосновывая отказ от премий по итогам года части учителей, Альбина упомянула и моё беспричинное опоздание на урок, о котором рассказано выше. Я, конечно, возразила, что оно не беспричинное и что трёхлетний ребёнок не может один стоять у закрытого детсада, как вдруг милейший человек Роман Иванович, учитель химии, закричал:

— Ребёнок у неё! Подумаешь, будто у нас не было детей, ничего, справлялись, успевали! Кому это интересно? Да, Альбина Николаевна? А у Вас за всех голова должна болеть…

Это было так подло и так неожиданно, что я опешила — именно Рома за углом пожимал мне руку и говорил:

— Держись! Свалить её надо, жизни никому нет! А ты молодец! Короче, ничего хорошего от пятничного педсовета я не ждала.

И вот пятница, последний урок. За весь учебный день никто со мной не заговорил, и я уже мысленно видела, как все поднимают руки за строгий выговор и увольнение из их чест-

ных рядов. Правда, строгачей, как я слышала, должно быть три, но кто помешает Альбине состряпать два задним числом, а третий, соответственно, я получу сейчас.

Кабинет физики, где обычно проходили педсоветы, был полон и готов к показательной казни. Хотелось бы написать, что все сидели с радостными лицами, но нет… Было тихо и напряжённо. Я сидела одна за первой партой, где обычно сидят отличники, но к награждению не готовилась. Зашла Альбина с газетой в руке, встала за трибуну у окна и трагическим голосом сказала:

— Все, конечно, читали этот грязный пасквиль, но я прочитаю его вам ещё раз, чтобы услышать ваше праведное возмущение каждой ложной фразой, почувствовать ваш гнев в адрес человека, который посмел оскорбить меня, меня, всю жизнь положившую на служение великому делу…

Ну и так далее. Говорила она долго, видимо, чтобы все смогли выковать гнев и обрушить его на мою голову. Наконец, директриса замолчала и подняла ожидающие глаза на коллектив. Она была в нём уверена, и даже реплика опоздавшего физрука Серёги, который, судя по всему, был не в курсе происходящего:

— А что делать-то надо? Что обрушить? — лишь на минуту вызвала смешок и недовольство Альбины.

— Сядь и замолчи! — приказала она. — Вечно как шут гороховый себя ведёшь!

И снова тишина. Но вдруг движение сзади. Я оглянулась

и ужаснулась — руку подняла ближайшая соратница Альбины и при этом очень сильный учитель русского языка и литературы Наталья Георгиевна Летова. Это с ней Альбина приходила ко мне на уроки, и они громили их в четыре руки. Это её не любили и боялись в коллективе за острый язык, насмешливость и дружбу с директором на равных. Я поняла, что хватит её выступления, разумеется, не в мою пользу, чтобы все осудили и прогневались, как и заказала директриса.

— Аля, — вдруг ласково спросила она, — тебе не надоело? Отстань от девчонки, хорошо она работает, с классом возится, как никто из нас давно уже не делает, уроки у неё хорошие, а со временем будут отличные. Ты думаешь, она так просто уйдёт по твоему желанию? У неё же класс выпускной, сейчас родители поднимутся, ты неприятностей хочешь?

Альбина смотрела на новоявленного Брута, окаменев на всё то время, пока Летова говорила. Потом вышла из кабинета, даже не хлопнув дверью. Все сидели и молчали. Потом встала завуч-математик и нерешительно прошла за трибуну. Было видно, что она не знает, что делать: всех отпустить — а вдруг директор вернётся? Но что-то же надо говорить? И она сказала:

— Я думаю, что мы должны продолжить обсуждение статьи…

В это время в класс вбежала Альбина с какими-то листочками в руке. Подбежав к парте, за которой сидела Летова,

она начала рвать листки и швырять их на парту с гневным воплем:

— Вот тебе представление на « Отличника просвещения!» Вот тебе «Ветеран труда!» Потом, оглянувшись на нас, она заорала:

— Пошли все вон! Закончено совещание! И мы пошли. На крыльце школы я дождалась, пока выйдет Наталья Георгиевна. Я подошла к ней и сказала:

— Спасибо, конечно, но Вам-то это зачем? Она посмотрела на меня в своей манере — слегка свысока и насмешливо — и сказала:

— Просто надоело.

Так закончился этот день, полный переживаний, странностей и торжества от победы… Нет, ничего подобного — никакого торжества я не чувствовала, а только дикую усталость. Но я была почти уверена, что теперь она от меня отстанет, ну сколько можно? Да, мне, конечно, говорили, что, мол, зачем тебе это, перешла бы в другую школу и работала бы себе спокойненько… Уверены? Вот, прямо один такой директор-тиран на всю галактику? И везде можно иметь своё мнение и прямо его высказывать, кроме как в этой школе? Думаю, эти вопросы риторические и ответы вы сами знаете.

Да, я могла, конечно, не писать эту заметку в газету про Альбинино депутатство и «работать себе спокойненько». Но не получилось промолчать и всё.

Прошло две недели, приближался конец третьей четвер-

ти, про меня, как я думала, забыли, как вдруг секретарь позвала меня в кабинет директора. Альбина сидела за чайным столиком в углу кабинета.

— Проходи, — очень по-доброму сказала она, — попьём чайку, побеседуем.

— О чём? — спросила я.

— Да ладно тебе ерепениться, — протянула директриса, — что, мы не можем спокойно поговорить? Как твой мальчик? Не болеет?

— У меня девочка, не болеет, — сказала я.

— Ну, неважно, речь не об этом, — засмеялась Альбина. — Я хочу сказать, что ты почти оперилась в нашей школе, вот-вот станешь на крыло и полетишь по великому морю высокого профессионализма! Ты станешь учителем с большой буквы— я это чувствую!

Лицо Альбины светилось каким-то внутренним светом, и я даже посмотрела тайком под столик — нет ли там подсветки. Подсветки не было.

Я выждала паузу в её крылатой речи и спросила:

— Альбина Николаевна, все эти четыре неполных года вы пытались сломать мне эти самые растущие крылья и выкинуть меня из гнезда вашей прекрасной школы.

— Да ладно тебе, — засмеялась Альбина, — зароем топор войны, поболтаем как подружки. Тебе около тридцати, кажется, а мне тридцать семь скоро, считай, в одной школе учились, только в разных классах…

Альбина говорила хорошие, правильные вещи, и я, измученная четырёхлетней войной, начала оттаивать, но один вопрос мучил меня — зачем ей это нужно? Помириться со мной…

Пока я размышляла, Альбина перешла на личности русоведов нашей школы.

Это выглядело так:

— Ну, о тебе я уже сказала — ты учитель перспективный, в будущем, уточнила она, — Летова — звезда, конечно, вне конкуренции, пока, — опять уточнила она, — а вот Сидорчук — разве учитель? Одевается как тетёха, уроки серые, неинтересные… Баранова учит неплохо, но всё по учебнику от корки до корки, без полёта… Петрова начинала неплохо, но после декрета одни больничные с ребёнком — откуда знания у учеников появятся? Внезапно закончив монолог, она сказала:

— Ладно, заболтались мы с тобой, дел полно, да и тебя тетради ждут, до завтра.

Я вышла в недоумении. Что это было? Зачем мне знать её мнение об учителях русского языка, как оказывается, очень невысокое? Назавтра я получила ответ на все свои вопросы.

На большой перемене секретарь опять пригласила меня в кабинет директора. Я зашла и увидела русоведов, сидящих вокруг директорского стола. За директорским столом рядом с ней сидели заведущая гороно и председатель городского метод-объединения учителей русского языка и литературы.

Места рядом с ними мне не было, и я села на небольшой диванчик около стены.

Я опять почувствовала себя подсудимой и невольно искала глазами Летову, которая так неожиданно спасла меня на собрании. Её не было. Я подумала, что, может, зря паникую и сейчас будем обсуждать изменения в экзамене, но в душе что-то ныло и дрожало от предчувствия.

— Дорогие мои, — начала Альбина, подняв своё большое тело над столом, — милые мои, хорошие, золотые учителя! Вы — опора этой школы, вы — те, на кого равняется весь коллектив, вы не-за-ме-ни-мы! — отчеканила директриса. — Но вчера в этот кабинет прокрался чёрной змеёй человек и всех вас смешал с грязью! Каждому из вас была дана убийственная характеристика, очерняющая вас как педагогов и как людей. Думаю, что теперь вы все поймёте мою настойчивость в желании избавиться от этой клеветницы! Вы напишете и подпишете требование в гороно избавить нас, наконец, от этого недочеловека!

При слове « гороно» заведующая вздрогнула, вышла из-под магии завораживающей директорской речи и сказала:

— Подождите, Альбина Николаевна, я, конечно, понимаю ваш гнев, но давайте выслушаем противоположную сторону, — и она показала на меня. Альбина, было, дёрнулась возразить, но я уже вскочила с диванчика и… Пока Альбина пела свою арию, я собралась. Вчерашнее чаепитие, почти безумное, было частью плана, который раскрылся сейчас. А раз

так, то чего ради я буду тихо сидеть и рыдать, сжимая мокрый от слёз платочек в кулачке (как писали сентименталисты).

— Коллеги, дорогие мои, — спародировала я Альбину, — у кого из вас я хоть раз была на уроке? Ни у кого, — ответила я за всех и продолжила:

— Вы у меня тоже ни разу не были. В этой школе на уроки иногда ходят члены администрации, и только они знают о достоинствах и недостатках нашей работы. Никакой характеристики я никому не давала, а моё приглашение директор использует сейчас для того, чтобы смешать с грязью как раз меня. Да, Альбина Николаевна характеризовала работу кафедры, и, судя по всему, она от неё не в восторге. Очернять вас как людей мне тоже не было никакого резона хотя бы потому, что я никого толком не знаю — в этой школе почти все учителя тише воды ниже травы из-за тирании директора. Да, Альбина Николаевна, в вашем возрасте и при вашей должности стыдно так врать. А за « змею и недочеловека» можно и в суде ответить…

Альбина вскочила и выбежала из кабинета. Все сидели и молчали, пока заведующая не сказала:

— Я думаю, совещание закончено, все свободны.

Все поднялись и друг за другом потянулись из кабинета. Я вышла последней. У окна в приёмной курила Альбина. Было видно, что она всплакнула. Рухнул ещё один план моего уничтожения. Ни тогда, ни сейчас после многих лет я не

могла понять, зачем было тратить столько сил и нервов на эту бессмысленную борьбу? В целом, коллектив был послушен и полностью ею подавлен. Неужели победа над одним учителем сделала бы её счастливей?

Год близился к концу. Я выпустила три своих класса и на следующий год оставалась с пятью часами нагрузки. Но я давно уже решила уходить из этой школы, в которой меня держал только мой класс. Теперь я была свободна. Директора в школе не было. Я зашла в кабинет завуча и протянула ей заявление.

— Как, и вы тоже, почему?

Пока я думала над странным вопросом, она продолжила:

— Вам два пятых на следующий год, классное руководство в одном из них, что не так-то?

— Вы как будто не в курсе, что не так, Татьяна Леонидовна, — сказала я. — Надоела травля, придирки…

— Да всё уже позади! — крикнула завуч, — работайте вы уже спокойно, ну что за день сегодня — пятое заявление об уходе! Я сейчас Альбине Николаевне позвоню…

По тому, как подпрыгнула завуч на вопрос обо мне, я поняла, что сейчас меня уволят без проволочек. Оказалось, что в этот год из школы ушли все русоведы: одна — на пенсию, одна — в техникум, а остальные — в другие школы. Такая получилась несогласованная акция, как мне хотелось бы думать, против тирании и самодурства. Да нет, просто совпало, наверное.

Муж, который терпел мои бесчисленные рассказы о школе, иногда сопровождаемые слезами, который все эти четыре года безусловно поддерживал меня, сказал:

— Иди в любую другую школу, только, пожалуйста, не вмешивайся больше ни во что. И я пошла в другую школу.

Первые полгода я вела себя тише воды ниже травы. Тем более мне дали три пятых класса с классным руководством в одном из них, и буквально головы было некогда поднять. Как-то меня остановила в коридоре учитель истории и спросила:

— Ты что ли на директора письмо в газету написала? Я кивнула.

— Что-то непохоже, — сказала она, — ходишь как пришибленная.

Эта школа совсем была не похожа на прежнюю. Учителя здесь ходили прямо, говорили громко и на педсоветах не боялись спрашивать о насущном. Самым насущным был вопрос о зарплате, точнее о задержке её.

Начались девяностые с развалом, перестройкой и прочими радостями эпохи перемен. Зарплаты задерживали всем бюджетникам, но именно учителю нечего принести домой, кроме мела и чужих тетрадок. При этом, как известно, именно учительницы часто оказываются одинокими мамами, и на собраниях всё чаще зазвучало:

— У меня двое детей третий месяц на одной картошке сидят — спасибо огороду!

— У меня ребёнок в кедах по снегу в школу бегает, не на что обувь зимнюю купить!

— Чем задолженность за квартиру гасить будем?!

И эти вопросы, и им подобные с каждым собранием становились всё горячее, и так как никто из администрации школы не мог на них ответить, в школе назрела революционная ситуация. Да, надо сказать, что директором школы была полная противоположность Альбины Николаевны: Альбина вникала во всё вплоть до выдачи булок в столовой, а Валентина Тихоновна не вникала ни во что. Она сидела в своём кабинете, обставленном довольно скромно по сравнению с Альбининым, иногда выходила в просторный коридор первого этажа, где и был её кабинет, и тихо шла вдоль стеночки, чтобы вездесущие пятиклассники не сбили её с ног. Казалось бы, неплохо, работай себе, но вот когда надо решать вопросы насущные, она устранялась.

На очередном собрании трудового коллектива выбрали стачком. Он оповестил власти о начале бессрочной забастовки, и через две недели школа распустила детей на досрочные каникулы и прекратила работу. Мы на работу приходили, собирались и ждали ответных шагов власти. Шаги звучали каждый день. В первый день пришла делегация, состоящая из нашего тихого директора, заведующей управления образования и председателя городского профсоюза учителей.

Надо сказать, что настрой коллектива был настолько мощным, что все попытки наезда, просьб и укоров были пресече-

ны моментально. Председателя профкома спросили, что она делает на противоположной стороне, когда её место во главе забастовщиков. Заведующей задали вопрос, на какие деньги кормить детей, если зарплат нет шестой месяц. Директора не спросили ни о чём, да и зачем?

Председатель профкома ответила, что нынешняя политика профсоюзов направлена не на борьбу, а на сотрудничество с администрацией с целью достижения договорённостей. Лучше бы она придумала что-то другое…

— Иуды! — с ненавистью крикнула с первой парты председатель нашего стачкома. — Сотрудничают они, вы посмотрите! Ваше назначение — интересы простых людей защищать, а они продались за путёвки и премии лично себе! Ты, Ульяна Геннадьевна, сколько раз в прошлом году по путёвкам с семьёй съездила? Только не ври — весь город обсуждает. А помогла ты кому из учителей?

— Я бы попросила вас сменить тон! — грозно сказала заведующая управлением. — С какой стати перед вами будет отчитываться председатель городского профсоюза? У неё есть контролирующие органы, и они не нашли ни одной ошибки в её работе, ни одного злоупотребления…

— Так она и им путёвочки предоставляет, вот и не нашли, — крикнул кто-то, и все засмеялись.

— Молчать! — заорала заведующая — терпеть не могу ваш коллектив — вечно свара, жалобы, недовольство! Хотите, чтобы мы школу расформировали, пойдёте по городу с

протянутой рукой работу искать! Даю вам один день — завтрашний — оповестить учеников, а послезавтра чтобы все вышли на работу. Они с профсоюзом ушли, а Валентина Тихоновна одна осталась стоять перед коллективом. Она помолчала, а потом жалобно сказала:

— У меня путёвка в санаторий с послезавтра, а я из-за вас уехать не могу — вот что вы устроили?? Прекратите, пожалуйста…

Так прошёл первый день забастовки. Всего их было девять, но по порядку. На второй день обошлось без гостей, видимо, ждали, пока мы оповестим детей о конце только что начатой забастовки. На третий день по чистым коридорам школы (технички забастовку не поддержали) пробежала секретарь и собрала всех в кабинете истории. В кабинет друг за другом вошли директриса, заведующая управлением образования и какой-то невысокий дядечка в костюме и при галстуке. Директриса представила его как заместителя мэра города по работе с населением.

— Друзья! — обратился он к нам. — К чему весь этот шум? Я, ваш старинный сват и кум, пришёл мириться к вам совсем не ради ссоры! (Да нет, конечно, это я себе нафантазировала из басни Ивана Андреевича Крылова «Волк и ягнёнок»). Мы прекрасно понимаем эту сложную ситуацию, в которой мы все оказались! Но и вы поймите нас: мы дотационный регион и целиком зависим от дотаций из центра, а их нет, и мы обещаем при первой же возможности…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.